

Член РСДРП с 1903 года, рижский рабочий Адам Дунц был как «подстрекатель забастовки» внесен царскими властями в «черные списки» (списки эти сейчас демонстрируются в одном из залов Музея революции Латвийской ССР). Его жена, член партии большевиков с 1905 года, не раз возглавляла забастовки текстильщиков, а после Великого Октября работала в ЧК. По стопам родителей пошли сыновья — металлисты Путиловского завода Альберт и Карл Дунцы. Они вступили в партию весной 1917 года, а уже через год им, молодым чекистам, комиссарам по особо важным поручениям, была доверена охрана Владимира Ильича Ленина. Об этом и о дальнейшей славной судьбе семьи латышских революционеров рассказывается в одном из документальных очерков, вошедших в книгу «За одно его дыхание», которую недавно выпустило издательство «Молодая гвардия».

Понятно, когда мы встретились с внуком, сыном и племянником чекистов, актером Государственного академического театра имени Евг. Вахтангова Гарри Альбертовичем Дунцем, речь прежде всего пошла о его родных.

— Отец стал директором завода, в послевоенные годы — первым секретарем Бауского укома партии, был членом ЦК Компартии Латвии, депутатом Верховного Совета СССР. А дядя, Карл Адамович, долгие годы работал в органах государственной безопасности; он по сей день жив и здоров. Кстати, и другой мой дед, отец моей матери, Ян Заламан — красный латышский стрелок, служил в Кремле, тоже охранял Владимира Ильича Ленина. Быть комиссарами — традиция нашей семьи.

— А как поддерживаете традицию вы?

— Как может это делать актер: создавая образы комиссаров. Я сыграл комиссара-чекиста в фильме «Бей, барабан», партийного секретаря в картине «На семи ветрах», члена военного совета в пьесе «Фронт», комиссара Берзиня в «Конармии». Между прочим, если помните, у Бабеля нет такого персонажа — Берзиня. Когда Рубен Николаевич Симонов начинал

СЕМЕЙНАЯ ТРАДИЦИЯ

ставить этот спектакль, он сказал: «Было немало комиссаров-латышей, у нас в коллективе есть потомок таких комиссаров; так что назовем нашего, в «Конармии», Берзинем».

— Вижу у вас на столе тетрадь с новой работой. Что это будет?

— «Гибель эскадры» Корнейчука. Наш театр посвящает этот спектакль 60-летию Великого Октября. Ставит главный режиссер народный артист СССР Евгений Рубенович Симочов, занята вся труппа; у меня центральная роль — адмирала Гранатова.

— Гарри Альбертович, сколько лет вы вахтанговец?

— Двадцать семь. Из них четыре года — в училище имени Щукина. Но у нас, если выпускник училища работает в вахтанговском театре, годы учебы тоже учитываются: практику-то мы проходим на вахтанговской сцене.

— Итак, 27 лет. Какие свои работы за все эти годы вы вспоминаете с особым чувством?

— Хирурга Осинского — главную роль в пьесе «Необыкновенное дежурство», и вот почему: то был второй год моей работы в театре, а играли мы на равных (то есть не было первого и второго исполнителей, оба считались первыми) с самим Астанговым. Роль Якова в «Коронации» (в очередь с самим Ульяновым). Горацию в «Гамлете» (с такими партнерами, как Астангов, Плотников, Орочко, Бубнов). Дорна в чеховской «Чайке». Профессора Полежаева. Крымова в пьесе «Здравствуй, Крымов»... Еще в школе мне очень нравились пушкинские «Маленькие трагедии», на одном школьном вечере я читал «Скупного рыцаря» в костюме и гриме (и наш математик, большой любитель театра, после этого ставил мне только «хорошо» и «отлично»). А в театре пришлось играть Герцога, постоянно облизываясь на главную роль. Но однажды захворал Толчанов, и мне удалось сыграть Барона.

— Словом, можно считать, что вы удовлетворены своей творческой судьбой?

— Еще бы не удовлетворен! Все знают: «Принцесса Турандот» — начало начал нашего театра. Претендентов на роли в «Турандот» была масса. Мне повезло: Рубен Николаевич увидел во

мне Бараха, воспитателя Калафа, и с тех пор это моя роль.

— Говорят, вы хорошо поете. А в спектаклях доводится петь?

— Единожды — в «Двенадцатом часе» Арбузова, романс «Отвори потихоньку калитку». А вообще-то я стесняюсь петь на сцене...

— Не знаю, спрашивать ли о том, что вы любите делать на досуге...

— Спросите. Увлекаюсь резьбой по дереву. На Рижском взморье, где ветры гнут сосну, подбираю выгнутые коряги и делаю из них вещи самых невероятных форм. Своими подсвечниками столько народу одарил... Ну, и рисую немного. Сестра Мирдза — та профессиональный живописец, окончила в Риге Академию художеств. Между прочим, когда она поступала (наверное, уже можно в этом признаться), то показала комиссии и свои, и мои эскизы. И знаете, пока я не нарисую того, кого предстоит сыграть, роль у меня не складывается. Сколько бумаги извожу, прежде чем увижу свой персонаж внутренним оком и изображу его! А если не смог нарисовать, работа так и не удается. В нашем деле, знаете, многое решает «чуть-чуть». Вот, к примеру, не шла у меня одна роль; Николай Сергеевич Плотников (которого я считаю актером номер один) подсказал малюсенькую деталь. И дело пошло! До этого шагал на спектакль, как на заклинание, а тут все партнеры сказали: «Ты сегодня совсем новый какой-то».

Еще об одном увлечении — любительским кино. У нас Надир Малишевский — спец по фото, а я — по кино. На гастролях снял фильмы о Болгарии, Чехословакии, Греции. Мой часовой фильм о Париже показало Центральное телевидение... Ну да ладно: расхвастался. Хватит.

— А что, вахтанговский театр по-прежнему насквозь спартаковский? — спросил я на прощание.

— Не скажите, — улыбнулся Гарри Дунц. — Лично я потомственный динамовец.

— А. ЯРОВОЙ.
Фото И. Сашина.